ГИЙОМ

МЮССО

сентрал-парк

Во Франции продано
75 тыс. книг за первые три дня,
360 тыс. за шесть недель,
1,8 млн за два года.

Поединок с судьбой

Гийом Мюссо

Сентрал-парк

«Эксмо»

2014

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Мюссо Г.

Сентрал-парк / Г. Мюссо — «Эксмо», 2014 — (Поединок с судьбой)

ISBN 978-5-04-115730-2

Нью-Йорк, Сентрал-парк. Алиса очнулась на скамейке и обнаружила, что скована наручниками с незнакомым мужчиной. Выясняется, что незнакомец – джазовый музыкант. Ни он, ни она не понимают, как оказались в столь экстравагантной ситуации. Возможно, это связано с профессией Алисы – она полицейский и пару лет назад расследовала дело серийного убийцы Эрика Вона. Неужели Вон жив и мстит ей таким образом? Вопросов больше, чем ответов. Но Алиса уверена, что сможет распутать этот клубок. И кстати, неплохо бы узнать, кто ее новый знакомый – что-то подсказывает Алисе, что это темная лошадка.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-115730-2

© Мюссо Г., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Часть 1 6
1 6
2 9
3 12
4 15
5 23
6 31
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Гийом Мюссо
Сентрал-парк

То, что от нас ускользает,
важнее того, чем мы обладаем.
Сомерсет Моэм

Часть 1
Скованные одной цепью

1
Алиса

Думаю, в любом человеке сидит какой-то другой человек. Незнакомец, Заговорщик, Хитрец.
Стивен Кинг «Тьма – и больше ничего»

Сначала было живое, колкое дыхание ветра, обдувающего лицо.

Легкий шелест листвы. Журчание невидимого ручья. Негромкое птичье чириканье. Первые лучи солнца, угадываемые сквозь пелену закрытых век.

Потом треск веток. Запах мокрой земли и разлагающейся листвы с навязчивой нотой лишайника.

И далекий, неясный, как во сне, нестройный гул.

* * *

Алиса Шефер с трудом открыла глаза. Ее ослепил свет зарождающегося дня, а одежда отсырела от утренней росы. Она вся дрожала, обливаясь ледяным потом. В горле пересохло, во рту застрял мерзкий вкус золы. Шелохнуться было невозможно, конечности свело, в голове мутилось.

Заставив себя сесть, Алиса обнаружила, что ложем ей служила грубая резная скамейка. Следующее открытие было и того поразительнее: в бок ей больно упирался локоть, на нее навалилось тяжелое мужское тело.

Она с трудом подавила крик, сердце пустилось вскачь. Пытаясь высвободиться, Алиса спустила ноги на землю и резко встала. Тут выяснилось, что она не свободна: кисть ее правой руки оказалась прикованной к левой кисти незнакомца. Она непроизвольно отпрянула, но мужчина не шелохнулся.

Проклятье!

Сердце выпрыгивало из грудной клетки. Она покосилась на «Патек» у себя на руке. Стекло было изрядно поцарапано, но механизм старых часов оставался надежным и все показывал исправно: вторник, 8 октября, 8 часов.

Как все это понимать? Где я? Она в недоумении отерла рукавом пот с лица.

Алиса стала озираться, чтобы понять, где она. Вокруг был золоченый осенний лес, свежий густой подлесок, перепутанные побеги кустарника. Безмолвную поляну обступали дубы, расселины между мшистыми камнями заросли кустами. Вокруг не было ни души, что при сложившихся обстоятельствах было, пожалуй, даже предпочтительнее.

Алиса подняла глаза. Все вокруг было пронизано чудесным, мягким, каким-то нереальным светом. Он сочился сквозь листву огромного пламенеющего вяза, от могучих корней которого топорщился ковер из влажных листьев.

Лес Рамбуйе? Фонтенбло? Венсенский лес? – мысленно гадала она.

Прямо-таки картина художника-импрессиониста с почтовой открытки. Вот только безмятежность природы шла вразрез с жестким сюрреализмом – пробуждением рядом с совершенно незнакомым человеком!

Она осторожно наклонилась, чтобы рассмотреть его лицо. Между 34 и 40 годами, шатен, всклокочен, сильно небрит.

Мертвец?

Опустившись на колени, она прижала три пальца к его шее. От сердца отлегло: в сонной артерии мужчины пульсировал кровоток. Он был без сознания, но по крайней мере живой. Она вгляделась в его лицо. Знакомый? Нарушитель порядка, по которому плачет тюрьма? До неузнаваемости изменившийся друг детства? Нет, его черты не подсказывали ей ровным счетом ничего.

Алиса откинула со лба светлые пряди и исследовала стальные браслеты, сковывавшие ее с этим типом. Так, стандартная модель повышенной надежности, применяемая полицией и частными службами безопасности многих стран. Очень вероятно, что это были ее собственные наручники. Она запустила руку в карман джинсов в надежде нащупать ключ от замка.

Но ключа там не оказалось. Зато во внутреннем кармане кожаной куртки кое-что нашлось: револьвер! Она с облегчением вцепилась в рукоятку, уверенная, что это ее служебное оружие. Но нет, вместо Sig Slauer, табельного ствола уголовной полиции, она выудила залитый в пластмассу Glock 22. Это еще откуда?! Проверить одной рукой магазин было затруднительно, но она, изогнувшись, все-таки добилась своего, стараясь не потревожить лежащего в беспамятстве мужчину. Одной пули в обойме недоставало. Осматривая пистолет, она увидела на рукоятке засохшую кровь. Алиса распахнула куртку и обнаружила расплывшиеся пятна крови у себя на рубашке.

Чем дальше в лес… Что я натворила?

Пальцами свободной руки Алиса потерла себе веки. Теперь у нее раскалывалась голова, в висках ломило немилосердно, казалось, их стискивает невидимый обруч. Она стала глубоко дышать, чтобы побороть страх и собраться с мыслями.

Накануне вечером их компания – три подружки и она – отправилась веселиться на Елисейские Поля. Они изрядно нагрузились коктейлями, переползая из бара в бар: из «Мунлайт» в «Тринадцатый этаж», оттуда в «Лондондерри»… Нетрезвая четверка распалась ближе к полуночи. Алиса одна добрела до своей машины, которую оставила в подземном паркинге на авеню Франклина Рузвельта, а потом…

Черная дыра. Ком ваты вместо мозгов. Пустое место, что вглядывайся в него, что в нем копайся… Память разбил паралич, она застыла, превратилась в лед, заблокировалась – осталась только последняя невразумительная картинка.

Ну же, постарайся, что тебе стоит? Что было потом?

Потом – это Алиса отчетливо помнила – она заплатила за парковку в автомате и спустилась по лестнице на третий подземный этаж. Она изрядно перебрала – в этом не было сомнения. Шаткой походкой добралась для своей маленькой «Ауди», отперла дверцу, плюхнулась в кресло и…

И все. То есть ничего.

Как ни силилась она сосредоточиться, память перегородило непроницаемой белой стеной. Это был какой-то Адрианов вал, Китайская стена, о которую разбивались все ее отчаянные попытки продвинуться дальше.

Алиса сглотнула горькую слюну. Страх грозил перерасти в приступ панической атаки. Этот лес, кровь у нее на рубашке, чужое оружие за пазухой… Как ни хотелось списать все это на похмелье после вчерашнего, дела определенно обстояли намного хуже. То, что она напрочь забыла, как здесь очутилась, имело единственное объяснение: ее чем-то опоили. Не иначе, какой-то подонок подлил ей в стакан гамма-гидроксибутирата. А что, очень может быть: в последние годы полицейская служба неоднократно сталкивала ее с делами, включавшими применение наркотиков с целью изнасилования жертвы. Отодвинув эту мысль, она стала

выворачивать свои карманы. Так и есть, ни бумажника, ни полицейского удостоверения. Документы, деньги, мобильный телефон тоже пропали.

Теперь к страху добавилось уныние.

Хрустнула ветка, в воздух взвилась стайка испуганных славок. По лицу Алисы скользнула пара оброненных вязом желтых листьев. Левой рукой, зажав подбородком воротник, она застегнула доверху молнию на куртке. И тут заметила у себя на основании ладони надпись светлой шариковой ручкой – строчку цифр, вроде шпаргалки нерадивого школяра:

2125558900

Это еще что такое? Кто это написал – неужели она сама? *Возможно, но не обязательно*, мелькнуло в голове при виде цифр.

Она зажмурила глаза от растерянности и страха.

Нет, она не сдастся! Походило на то, что прошедшей ночью произошло что-то очень серьезное. Раз сама она ровным счетом ничего не помнит, то пускай ей освежит память тип, к которому она оказалась прикована. Больше ей, во всяком случае, не на что было надеяться.

Кто он, друг или враг?

Не имея пока ответа на этот вопрос, она на всякий случай взвела затвор полуавтоматического пистолета, навела ствол свободной рукой на непрошеного спутника и бесцеремонно его встряхнула.

– Эй, ты! Хорош дрыхнуть! Подъем!

Мужчине нелегко было очухаться.

– Пошевеливайся! – поторопила она его, тряся за плечо.

Лежащий поморгал, подавил зевок, с кряхтеньем принял сидячее положение. Открыл глаза – и в страхе отшатнулся при виде ствола в нескольких сантиметрах от своего виска.

Сначала он вытаращил на Алису глаза, потом завертел во все стороны головой и пришел в полное недоумение от обступившего его грозной стеной леса.

Проведя несколько секунд в ошарашенном молчании, он проглотил слюну, разинул рот, посидел так секунду-другую и, наконец, спросил по-английски:

– Кто вы такая, прости господи? Что мы здесь вообще делаем?

2
Гэбриэл

В любом из нас сидит непрошеный чужак.
Братья Гримм

Незнакомец изъяснялся с сильным американским акцентом, почти совсем проглатывая звук «р».

– Да где мы, черт побери? – прорычал он, грозно щурясь.

Алиса сильнее сжала рукоятку пистолета.

– По-моему, этот вопрос должна вам задать я! – ответила она по-английски, тыча «глоком» ему в висок.

– Эй, полегче! Спокойствие! – Он задрал руки над головой. – Уберите пушку, это опасная штуковина…

Еще не вполне придя в себя, он указал подбородком на свою руку в железном браслете.

– Зачем вы это на меня надели? Что я натворил на этот раз? Подрался? Появился в нетрезвом виде в общественном месте?

– Наручники на вас надела не я, – отрезала Алиса.

Она уже успела его разглядеть: на нем были темные джинсы, кроссовки, мятая рубашка, зауженный костюмный пиджак. Светлые внушающие симпатию глаза ввалились от усталости.

– Зябкая погодка… – пожаловался он, втягивая голову в плечи, и бросил взгляд на свое запястье, где полагалось находиться часам, но их там не оказалось.

– Дерьмо… Который час?

– Восемь утра.

Он с грехом пополам обыскал свои карманы и не сдержал гневный крик:

– Вы меня обчистили! Ничего нет: ни денег, ни бумажника, ни телефона…

– Я ничего у вас не забирала, – заверила его Алиса. – Меня саму обобрали, как и вас.

– А шишка откуда? – пробурчал он, растирая себе свободной рукой затылок. – Скажете, это тоже не ваша работа?

Ее ответ его не интересовал, но он тоже изучал ее краем глаза. Джинсы в обтяжку, кожаная куртка поверх выпачканной кровью рубашки… Стройная блондинка лет тридцати со всклокоченной головой. Суровое выражение лица, но гармоничные черты: высокие скулы, тонкий нос, бледная кожа – и светло-карие, в тон осенней листве, гневно сверкающие глаза.

Продолжить любоваться ему помешала боль, как от ожога, с внутренней стороны предплечья.

– Опять что-то не так? – фыркнула она.

– Больно! – объяснил он, морщась. – Наверное, я ранен.

Из-за наручников Гэбриэл не мог ни снять пиджак, ни закатать рукав, но, кое-как изогнувшись, он умудрился разглядеть у себя на руке свежую на вид повязку, из-под которой вытекал узкий ручеек крови.

– Ладно, хватит глупостей! – не вытерпел он. – Где мы? В Уиклоу?

Молодая женщина покачала головой.

– Уиклоу? Где это?

– Лес на юге, – ворчливо объяснил он.

– На юге чего? – спросила она.

– Вы издеваетесь? На юге Дублина!

У нее округлились глаза.

– Вы серьезно думаете, что мы в Ирландии?

Он вздохнул:

– Где же еще нам находиться?

– Как где? Во Франции. Под Парижем. Скажем, в лесу Рамбуйе или в…

– Хватит бредить! – перебил он ее. – Лучше скажите: вы, собственно, кто такая?

– Женщина с пушкой в руке. Вопросы задаю я.

Он бросил на нее негодующий взгляд, но понял, что положением владеет она, и выдержал паузу.

– Мое имя Алиса Шефер, я капитан уголовной полиции Парижа. Я провела вечер с подругами на Елисейских Полях. Понятия не имею, где мы и как оказались здесь, прикованные друг к другу. Кто вы такой, я тоже не знаю. Теперь ваша очередь, валяйте.

Немного поколебавшись, незнакомец решился раскрыть свою личность.

– Я американец, меня зовут Гэбриэл Кейн, я джазовый пианист. Вообще-то я живу в Лос-Анджелесе, но часто разъезжаю, выступаю на концертах.

– Какое ваше последнее воспоминание? – спросила она.

Гэбриэл поморгал, потом зажмурился, чтобы сосредоточиться.

– Ну, собственно… Вчера вечером мы – басист, саксофонист и я – играли в джаз-клубе в дублинском квартале Темпл-Бар.

Дублин?.. Да он псих!

– После выступления я засел в баре и там, боюсь, злоупотребил «Куба либре», – продолжил Гэбриэл, разжимая веки.

– Что было потом?

– А потом…

Он сморщил лицо, прикусил губу. Видно было, что ему, как и ей, трудно вспомнить, чем кончился вчерашний вечер.

– Послушайте, я больше ничего не знаю. Кажется, я сцепился с каким-то типом, которому не понравилось, как я играю, пытался волочиться за юбками, но был так пьян, что ни одной не сумел задрать…

– Высший класс! Вы – неотразимый сердцеед.

Он отмахнулся от нее и встал со скамейки, заставив и Алису подняться. Та дернула рукой, и он плюхнулся обратно.

– Я покинул клуб перед полуночью, – продолжил он делиться воспоминаниями. – Едва держась на ногах. На набережной Астон стал ловить такси. Через несколько минут поймал и…

– И?..

– Дальше не помню, – со стоном признался он. – Назвал адрес своего отеля и повалился на сиденье.

– Что дальше?

– Говорю вам, ничего!

Алиса опустила пистолет и несколько минут переваривала невеселые известия. Было понятно, что этот субъект не поможет ей прояснить ситуацию. Скорее, наоборот.

– Вы отдаете себе отчет, что ваша болтовня – сплошная брехня?

– С какой стати?

– С такой, что мы, видите ли, во Франции!

Гэбриэл обвел взглядом окружавший их лес: дикая растительность, густой кустарник, поросшие плющом камни, золотистый купол осенней листвы над головой. Скользнув глазами вверх по голому стволу огромного вяза, он заметил двух белок, устроивших отчаянную погоню по ветвям за наглым каменным дроздом.

– Бьюсь об заклад, что никакая это не Франция, – пробормотал он, скребя в затылке.

– Есть всего один способ в этом убедиться, – сказала Алиса, спрятала пистолет и заставила Гэбриэла встать.

Они покинули поляну и углубились в густую чащу. Прикованные друг к другу, они проковыляли по бугристой тропинке и стали спускаться в овраг, балансируя на выступающих из откоса камнях. Целых десять минут они выбирались из лесистого лабиринта, прыгая через ручейки и блуждая по извилистым тропкам. Наконец они вышли на узкую асфальтированную аллею, высаженную деревьями, ветви которых образовывали у них над головами плотный полог. С каждой минутой шум цивилизации становился все отчетливей. Знакомый рокот, нарастающее дыхание большого города.

Охваченная странным предчувствием, Алиса потащила Габриэля к подсвеченной солнцем прогалине среди листвы. Манящее солнце побуждало их раздвигать ветки, пока они не оказались на травянистом берегу. Дальше простиралась вода.

В следующую секунду оба замерли как вкопанные.

Через сужение пруда был переброшен изящный чугунный мостик.

Это было прихотливое сооружение, выкрашенное в светло-кремовый цвет, все в завитушках, утыканное вазонами с яркими цветами.

Эта длинная пешеходная дорожка над водой была знакома любому по сотне фильмов.

Мост «Боу-Бридж».

Никакой это был не Париж. Никакой не Дублин.

Они находились в Нью-Йорке.

В Центральном парке.

3
Сентрал-парк-Уэст

Мы жаждем истины, но в себе находим лишь неуверенность.
Блез Паскаль «Мысли», XXI

– Боже правый! – просипел Гэбриэл. Лицо Алисы выражало потрясение.

Как ни трудно было принять реальность, последние сомнения исчезли. Место, где они пришли в себя, «Рэмбл»[1], считалось самым диким уголком всего Центрального парка. Это был настоящий лес площадью полтора десятка гектаров к северу от озера.

У обоих сердца колотились так, что грозили выскочить из грудной клетки. Подойдя к берегу, Алиса и Гэбриэл оказались на людной аллее; столпотворение здесь было типичным для раннего утра. Приверженцы бега трусцой гармонично соседствовали с велосипедистами, адепты гимнастики тай-чи с собачниками, выгуливающими своих питомцев. Слух выбравшейся из зарослей помятой пары до отказа наполнила характерная городская какофония: рокот уличного движения, гудки, завывания пожарных и полицейских сирен.

– С ума сойти… – пролепетала Алиса.

Чтобы остаться в своем уме, она попыталась мыслить рационально. Лучше всего было бы, если они с Гэбриэлом и вправду знатно злоупотребили накануне вечером спиртным и провели ночь в отключке, а тем временем кто-то против их воли… Что? Загрузил их в самолет? Исключено. Она часто проводила отпуск в Нью-Йорке с Сеймуром, своим коллегой и лучшим другом. Ей ли не знать, что перелет из Парижа в Нью-Йорк длится восемь с лишним часов, но, учитывая разницу во времени, сокращается всего до двух. Чаще всего Сеймур брал билеты на рейс из аэропорта Шарль де Голль в 8:30 утра, приземлявшийся в Нью-Йорке в 10:30. Память подсказала и время последнего вечернего вылета – около 8 вечера. Вся штука в том, что накануне как раз в это время она находилась в Париже! А вот если бы ее отправили ночным рейсом, вылетевшим, скажем, в 2 часа ночи, то она приземлилась бы в Нью-Йорке в 4 утра по местному времени – в самый раз, чтобы продрать глаза в Центральном парке в 8 часов… Теоретически такая вероятность сохранялась, но в действительности… Даже прилетающие в США частным бортом проходят длительную и обременительную бюрократическую процедуру. Нет, тут явно что-то не вяжется.

– Упс! Сорри!

В них едва не врезался парень на роликовых коньках. Но его смущение быстро сменилось недоумением: засмотревшись на наручники, он чуть не сбил с ног кого-то еще.

В голове у Алисы завертелась тревожная «мигалка».

– Нечего торчать на виду у зевак! – прорычала она. – Минуты не пройдет, как сюда нагрянут копы.

– Что вы предлагаете?

– Возьмите меня за руку, живо!

– Не понял…

– Притворимся влюбленной парой! Идем на мост! – поторопила она его.

Парочка ступила на мост «Боу-Бридж». Воздух был прохладным и сухим, за парком четко вырисовывались на фоне безоблачного неба величественные здания, высящиеся к западу от Центрального парка: башни-близнецы «Сан-Ремо», легендарная «Дакота», прославленный «Маджестик» в стиле ар-деко.

– Нам так или иначе придется сдаться властям, – нудил на ходу Гэбриэл.

---

[1] Ramble – блуждание (*англ.*).

– Не терпится сунуть голову в волчью пасть?

– Лучше внять голосу разума, деточка…

– Еще раз так меня назовете, и я задушу вас наручниками! Шею сверну, удавлю – так и знайте! Вот увидите, мертвецы не несут чушь.

Он пропустил угрозу мимо ушей.

– Раз вы француженка, обратитесь за помощью в ваше посольство.

– Сначала надо понять, что произошло этой ночью.

– Но только на меня не рассчитывайте, я не намерен играть в прятки. Как только мы выйдем из парка, я брошусь в первый же полицейский участок и расскажу все как на духу.

– Вы совсем безмозглый или притворяетесь? Объяснение для ненаблюдательных: мы скованы одной цепью. Мы с вами неразлучны, неразделимы, связаны неодолимой силой! И пока мы не нашли способ разбить наши кандалы, вы будете делать то же самое, что я.

«Боу-Бридж» служил прелестной связкой между бурной хаотичной растительностью «Рэмбл» и аккуратным садом на южной стороне озера. Пройдя по мосту, они вышли на дорожку, ведущую вдоль озера к гранитному куполу фонтана «Черри Хилл».

– Почему вы отказываетесь отвести меня в полицию? – гнул свое Гэбриэл.

– Потому что, представьте, я знаю, что такое полиция.

– По какому праву вы затаскиваете меня в свою галеру? – возмутился джазист.

– С каких пор это «моя» галера? Я, допустим, вляпалась в дерьмо, но вам никуда не деться, вы тоже в нем по шею.

– Я ни при чем, мне не в чем себя упрекнуть!

– Неужели? Откуда такая уверенность? Я думала, прошлая ночь полностью выпала из вашей памяти…

Ее ответ привел Гэбриэла в замешательство.

– Вы что, не верите мне?

– Ни капельки. То, что вы плетете про какой-то бар в Дублине, – просто болтовня, Кейн.

– Не больше, чем ваши россказни про гулянку на Елисейских Полях! Между прочим, это вы вся в крови, а не я. Это у вас в кармане ствол, это вы…

– Тут вы правы, – перебила она его. – У меня ствол, так что вам лучше проглотить язык и делать так, как я велю, о'кей?

Он пожал плечами и негодующе засопел.

Алиса сглотнула и ощутила жжение за грудиной: в пищевод забросило желчь. Это все стресс. И усталость. И страх.

Как выпутаться из этакой передряги?

Она силилась собраться с мыслями. Во Франции день был в самом разгаре. Ребята из следственного отдела, не найдя ее утром на рабочем месте, наверняка встревожились. Сеймур и подавно замучился названивать ей на сотовый. Вот с кем ей следует первым делом связаться, вот кто должен попробовать выяснить, что стряслось! В голове у нее уже начал выстраиваться порядок действий. 1) Затребовать записи камер наблюдения из паркинга под авеню Франклина Рузвельта, 2) составить список частных самолетов, улетевших после полуночи из Парижа в Нью-Йорк, 3) найти ее «Ауди», 4) проверить, правда ли все то, что несет этот Гэбриэл Кейн…

Благодаря четкой следственной перспективе ее мысли распределились по полочкам. Адреналин, который регулярно вырабатывался благодаря ее ремеслу, давно служил для Алисы главным топливом. В свое время этот наркотик портил ей жизнь, но с некоторых пор он был единственной достойной причиной, чтобы вставать по утрам.

Алиса уже вдыхала свежий воздух Центрального парка полной грудью.

Приободренная тем, что сыщик в ней одержал верх, она стала продумывать тактику расследования: Сеймур, следуя ее советам, будет вести поиски во Франции, а она – здесь.

Крепко держась за руки, Алиса и Гэбриэл заторопились в сторону треугольного сада «Строубери Филдс», чтобы через него выскочить из парка с западной стороны. На ходу сыщица украдкой поглядывала на музыканта. Необходимо было разобраться, что он за человек. Сама ли она надела на него наручники? И если да, то за что?

Он тоже на нее покосился, только не испытующе, а с вызовом.

– Ну какие будут предложения?

– У вас есть знакомые в этом городе? – ответила она вопросом на вопрос.

– В Нью-Йорке живет мой хороший друг, саксофонист Кенни Форрест, но вот беда, сейчас он улетел выступать в Токио.

Она переформулировала вопрос:

– Значит, вы не знаете, где раздобыть инструменты, чтобы избавиться от наручников, где переодеться, принять душ?

– Не знаю, – признался он. – А вы?

– Я живу в Париже, вы забыли?

– «Я живу в Париже, вы забыли?» – передразнил он ее. – В общем, я не вижу другого выхода, кроме как обратиться в полицию: мы без гроша, переодеться нам не во что, даже удостоверений личности нет…

– Прекратите стенать! Наша первая задача – раздобыть мобильный телефон, вы согласны?

– Кто из нас забывчивый? Повторяю: у нас ни цента! Откуда взяться телефону?

– Очень просто: надо его украсть.

4
В наручниках

В сердце каждой трудности кроется возможность.
Альберт Эйнштейн

Покинув парк, Алиса и Гэбриэл зашагали вдоль ограды по авеню Сентрал-парк-Уэст. С первых же шагов их засосал городской водоворот, уши сразу заложило от гудков желтых такси, мчавшихся в направлении Мидтауна, призывов продавцов хот-догов, стука отбойных молотков дорожников, добиравшихся до канализационных труб.

Не терять ни минуты!

Алиса прищурилась, изучая окрестности. На другой стороне улицы высилась песочная «Дакота». Здание, перед которым 33 года назад застрелили Джона Леннона, всеми башенками, звездочками, окошками и балкончиками вопившее о своей готической неуместности в манхэттенском пейзаже.

Средневековье в разгар XXI века.

Торговец, разложивший товар на свой страх и риск прямо на тротуаре, соблазнял туристов футболками и афишами с символикой «Битлз».

Наметанный глаз сыщицы высмотрел стайку юнцов, шумных испанцев, фотографировавшихся на фоне исторического здания. Минуло тридцать с лишним лет, а миф продолжал исправно работать…

Понаблюдав за молодежью несколько секунд, Алиса наметила жертву и мгновенно спланировала нападение. Указав Гэбриэлу подбородком на туристов, она спросила:

– Видите, паренек разговаривает по телефону?

Он почесал в затылке.

– Который из них? Половина из них прилипла к телефонам.

– Очкастый толстячок, стрижка под горшок, на майке эмблема «Барселоны».

– Куда это годится – нападать на ребенка?!

– Похоже, вы не понимаете, в какое дерьмо мы вляпались, Кейн! – взорвалась Алиса. – Ему, кстати, не меньше шестнадцати лет. И потом, ни о каком нападении речи не идет, простое заимствование.

– Что-то я проголодался, – пожаловался он. – Может, лучше стащить хот-дог?

Она бросила на него испепеляющий взгляд.

– Не выпендривайтесь, слушайте внимательно. Мы подходим к парню, вы толкаете меня на него, я выхватываю у него телефон, и мы делаем ноги.

Гэбриэл облегченно закивал.

– Это я запросто!

– Запросто? Сейчас вы увидите, каково это – бегать в наручниках.

Дальше все случилось четко по плану: воспользовавшись неожиданностью момента, она вырвала из рук паренька телефон.

– Бежим! – Она дернула Гэбриэла за цепь.

Очень кстати загорелся зеленый сигнал на пешеходном переходе. Они перебежали через улицу и на первом перекрестке шмыгнули направо. Алиса не ошиблась: бежать вдвоем в наручниках оказалось даже неудобнее, чем она предостерегала. Главная трудность состояла в том, чтобы подстроиться к длине шага партнера, а тут еще разница в росте и острая боль от железного браслета, врезавшегося в кожу при каждом рывке…

– За нами гонятся! – крикнул Гэбриэл, оглянувшись.

Алиса тоже оглянулась и убедилась, что их преследует группа испанской молодежи.

Не повезло…

По ее сигналу они ускорили бег. 71-я стрит была типичной для Верхнего Вест-сайда спокойной улицей, застроенной элегантными жилыми домами из бурого песчаника. Туристы сюда не забредали, широкие тротуары были в полном распоряжении беглецов, которые быстро преодолели квартал до следующего перекрестка. Но их уже настигали, преследователи криками призывали в свидетели и в сторонники редких прохожих.

Пересечение 71-й стрит с Колумбус-авеню, снова смена декораций: роскошные витрины бутиков, быстро заполняющиеся кафе, студенты, высыпающие из соседней станции подземки.

– Налево! – крикнул Гэбриэл, бросаясь в сторону.

Смена направления застала Алису врасплох. Она чуть не потеряла равновесие, железный браслет разрезал ей кожу на запястье, и она не удержалась от крика.

Они метнулись по авеню на юг, расталкивая прохожих, опрокидывая рекламные стойки, чуть не раздавив крохотного йоркшира на длинном поводке.

Какая толчея!

Чувство головокружения, потери ориентировки, угодивший под дых чужой локоть. Чтобы не увязнуть в толпе, беглецы выскочили на проезжую часть.

Неудачный маневр…

Их тут же едва не переехало такси. Водитель ударил по тормозам, надсадно загудел, обложил их площадной бранью. Алиса, желая запрыгнуть обратно на тротуар, зацепилась за край бордюра, браслет от рывка еще глубже впился ей в руку, и она упала, увлекая за собой Гэбриэла и роняя злосчастный мобильник, принесший пока одни неприятности.

Проклятье!

Габриэл успел поймать телефон на лету.

Встаем!

Они дружно вскочили, дружно оглянулись на преследователей. От прежней кучи подростков осталось только двое самых упорных, устроивших погоню через Манхэттен в надежде одержать победу и вернуться триумфаторами к отставшим подружкам.

– Они бегают быстрее нас! – предупредил Гэбриэл. – Я не в том возрасте, чтобы с ними тягаться.

Каждый новый рывок был для обоих пыткой, но других вариантов не оставалось. Рука в руке, они преодолели еще десять метров, еще полсотни и еще сотню. Они бежали мимо окутанных паром канализационных люков, мимо чугунных лестниц, карабкающихся вверх по фасадам, мимо длинных школьных автобусов с прилипшими к стеклам любопытными детскими мордашками. Снова Бродвей, пересекающий Коламбус-авеню. Здесь, в месте смыкания трех четырехполосных городских артерий, раскинулся неохватный перекресток. Беглецы переглянулись и поняли друг друга без слов.

– Вперед!

Рискуя жизнью, они побежали через перекресток по диагонали, жмурясь на бегу от визга шин и от гудков, в которых слышались страшные проклятия.

Всю западную сторону Бродвея между 65-й и 62-й стрит занимал культурный комплекс Линкольн-центра, выросший вокруг здания «Метрополитен-опера». Алиса задрала голову, чтобы лучше сориентироваться. Над серединой авеню навис своим заостренным носом многоэтажный лайнер из стекла и стальной арматуры.

Она узнала зал консерватории «Джулиард Скул», мимо которого проходила в свое время в обществе Сеймура. За прозрачной стеной разучивали пируэты балерины, беззвучно репетировали пианисты и скрипачи.

– Подземный паркинг оперы! – крикнула она, указывая на уходящий вниз бетонированный проезд.

Гэбриэл кивнул на бегу, и они нырнули в асфальтовые внутренности комплекса, шарахаясь от едущих вверх машин. На первом подземном уровне, уже совсем выбиваясь из сил, они пробежали через всю парковку, кинулись вверх по лестнице и выскочили наружу в трех кварталах дальше, в скверике Дэмрош-Парк.

Там, пьяные от свежего воздуха, они с облегчением убедились, что погони больше нет.

* * *

Привалившись к невысокой стенке над лестницей, Алиса и Гэбриэл пытались восстановить дыхание. Оба взмокли, у обоих отваливались ноги и ломило в спине.

– Дайте телефон… – прохрипела она.

– Вот растяпа! Где-то выронил… – пролепетал он, шаря себя по карманам.

– Да как вы могли?..

– Шучу! – Он с победным видом протянул ей смартфон.

Алиса пронзила его взглядом убийцы и уже открыла рот, чтобы высказать все, что о нем думает, но во рту вдруг появился металлический привкус, голова пошла кругом, к горлу подступила тошнота, и она перевесилась через ограждение. Изо рта потекла струйка желчи.

– Вам бы водички.

– Мне бы что-нибудь съесть…

– Я предлагал стащить хот-дог!

Испуганно оглядываясь, они подкрались к питьевому фонтанчику и утолили жажду. Сквер между Нью-йоркским городским балетом и стеклянными арками колоссальной «Метрополитен-опера» был достаточно людным. Неподалеку копошились рабочие, устанавливавшие киоски и трибуны: ожидался митинг.

Нахлебавшись воды, Алиса схватила телефон, с облегчением убедилась, что он не защищен кодом, и набрала сотовый номер Сеймура.

Пока устанавливалась связь, она, прижав сотовый подбородком к плечу, растирала себе затылок. Сердце так колотилось, что впору было оглохнуть.

Ответь, Сеймур…

Сеймур Ломбар был заместителем Алисы Шефер, возглавлявшей группу из пятерых сыщиков, которая трудилась в четырех кабинетах на третьем этаже знаменитого дома номер 36 на набережной Орфевр.

Алиса посмотрела на часы. В Париже было уже 14:20.

Полицейский ответил после трех гудков, но рядом с ним так громко разговаривали, что понять друг друга было нелегко. То ли он уже был на задании, то ли еще обедал.

– Сеймур?

– Алиса! Ты куда запропастилась, черт возьми? Я замаялся слать тебе сообщения.

– Я на Манхэттене.

– Издеваешься?

– Мне нужна твоя помощь, Сеймур.

– Очень плохо слышно…

Ей было слышно не лучше, связь была ни к черту. До нее долетали только обрывки слов, голос Сеймура был искажен почти до неузнаваемости и дребезжал, как ржавое ведро.

– Ты где, Сеймур?

– В «Каво-дю-Палэ» на площади Дофина. Давай-ка я вернусь в здание и перезвоню тебе через пять минут, идет?

– Валяй. Номер отразился?

– Отразился.

– Отлично. Поторопись, у меня есть для тебя дельце.

Алиса с огорченным видом отдала телефон джазисту.

– Если хотите куда-нибудь позвонить, звоните прямо сейчас. Даю вам пять минут. Поторопитесь!

Гэбриэл бросил на нее удивленный взгляд. При всей противоестественности и опасности положения, он не удержался от саркастической улыбки.

– Вы со всеми разговариваете таким начальственным тоном?

– Решили меня достать? Не советую, – осадила она его. – Вам нужен телефон? Да или нет?

Гэбриэл выхватил у нее смартфон и на несколько секунд замер, раздумывая.

– Позвоню-ка я своему дружку Кенни Форресту…

– Саксофонисту? Вы же говорили, что он в Токио.

– Понадеюсь на удачу. Вдруг он оставил ключи от квартиры соседу или консьержке? Вы хоть знаете, который сейчас час в Токио?

Алиса посчитала на пальцах.

– Десять вечера.

– Наверняка он как раз дудит в свой саксофон.

Гэбриэл оказался прав: включился автоответчик. Пришлось наговорить сообщение: дескать, он в Нью-Йорке, перезвонит позже.

Он отдал телефон Алисе. Та, сопя, не отрывала глаз от часов.

Пошевеливайся, Сеймур! Она так стискивала смартфон, что могла его раздавить, и была уже близка к тому, чтобы позвонить самой, но ее отвлекла цепочка написанных у нее на основании ладони цифр. Хорошо, что их еще не до конца смыло потом.

– На что это похоже, по-вашему? – спросила она, сунув ладонь Гэбриэлу под нос.

2125558900

– Я увидела это утром, когда очнулась. Не помню, чтобы я это писала.

– Это же номер телефона! Дайте разглядеть… Ну как же, 212 – код Манхэттена. Вы не выдумали, что работаете в полиции?

А ведь он прав, как я могла такое проморгать?

Не обратив внимания на его сарказм, она поспешно набрала номер. Там ответили сразу, после первого же гудка.

– Вас приветствует отель «Гринвич». Меня зовут Кендис, я к вашим услугам. Чем вам помочь?

Отель?

Алиса стремительно соображала. Где это? Может, недалеко? Или попытать счастья?..

– Будьте добры, соедините меня с номером мисс Алисы Шефер.

На том конце помолчали и ответили:

– Сожалею, но, полагаю, у нас таких постояльцев нет.

– Полагаете или уверены?

– Совершенно уверена и очень сожалею.

Алиса еще не успела разъединиться с отелем, а на экране уже высветился входящий звонок от Сеймура. Она не стала благодарить собеседницу – важнее было принять звонок заместителя.

– Ты на работе, Сеймур?

– Примчался… – сдавленно отозвался тот. – Какой такой Нью-Йорк? Убеди меня, что это шутка.

– Если бы! Времени в обрез, ты должен мне помочь.

Ей потребовалось меньше трех минут, чтобы поведать о случившемся с вечера предыдущего дня: забег в компании подруг по барам Елисейских Полей, беспамятство с момента возвращения в паркинг, пробуждение в Центральном парке, наручники, сковывающие ее с незнакомым мужчиной и, наконец, похищение чужого сотового, чтобы сделать этот звонок.

– Не верю, ты все сочиняешь! Что за игры, Алиса? Здесь и так работы через край. Тебя требует судья: он отклонил наше требование разбирательства по делу Сикара. А что касается Тайландье, то она…

– Нет, лучше заткнись и послушай! – прикрикнула она.

Она уже не сдерживала слезы, нервы натянулись как канаты. Даже находясь на противоположной стороне Атлантического океана, собеседник не мог не уловить ее состояние.

– Я не шучу, понимаешь? Я в опасности! Ты единственный, на кого я могу положиться.

– Ладно, ладно… Успокойся. Почему ты не обращаешься в полицию?

– Почему? Хотя бы потому, что у меня в кармане куртки чужой ствол, ты понял, Сеймур? И вся рубашка в кровище. А еще у меня не осталось никаких документов, подтверждающих, кто я такая. Хватит тебе? Меня мигом, ни с чем не разбираясь, законопатят в каталажку.

– Законопатили бы, если бы был труп, а раз трупа нет, то… – попробовал возразить полицейский.

– Я не вполне в этом уверена. Первым делом я должна сама разобраться, что со мной стряслось. Можешь меня надоумить, как избавиться от клятых наручников?

– Каким же это образом, хотелось бы мне знать?

– Твоя мамаша – американка. У тебя здесь родня, знакомства…

– Моя мать живет в Сиэтле, ты же знаешь. Вся моя родня в Нью-Йорке исчерпывается одной-единственной двоюродной бабкой – старушкой, не вылезающей из дому в Верхнем Ист-Сайде. Мы же навещали ее вместе с тобой, когда в первый раз были вдвоем на Манхэттене, помнишь? Ей девяносто пять, вряд ли у нее окажется под рукой ножовка по металлу… Нет, она тебе не помощница.

– Тогда кто?

– Дай подумать… Есть одна мыслишка, но сперва мне придется сделать один звонок, не то, чего доброго, снабжу тебя неверным адресом.

– Действуй! Только, умоляю, не тяни! Жду твоего звонка.

Она нажала «отбой» и стиснула кулаки. Гэбриэл не сводил с нее глаз. Судя по дрожи во всем теле, в нем происходила борьба злости с отчаянием.

– Кто этот Сеймур?

– Мой заместитель в бригаде уголовной полиции, по совместительству – мой лучший друг.

– Вы уверены, что ему можно доверять?

– Совершенно уверена.

– Я небольшой знаток французского, но как-то не уловил у него большого желания вам помочь… – Не дождавшись от нее ответа, он продолжил: – С отелем ничего не вышло?

– Нет, не вышло, вы же слышали. Я ничего от вас не скрываю.

– Куда вы денетесь! На таком коротком поводке иначе никак. Прошу простить мою неделикатность, но таковы обстоятельства, – насмешливо продолжил он. – Вы сами не устаете мне напоминать, что мы с вами – товарищи по несчастью.

Она отвернулась, чтобы больше не играть с Кейном в гляделки.

– Надоело! Прекратите есть меня глазами! Может, еще кому-нибудь позвоните? Предупредите жену или там подружку…

– Нет уж! «По девушке в каждом порту» – вот мой девиз. Я свободен, как ветер, как музыкальные ноты, слетающие с клавиш моего пианино…

– Ну да, свободен и одинок. Знаю я мужчин вашего пошиба!

– А у вас? Ни мужа, ни приятеля?

Она вместо ответа дернула головой, но он почувствовал, что случайно надавил на чувствительное место.

– Нет, я серьезно, Алиса. Вы замужем?

– Идите вы куда подальше, Кейн!

– Я бы с радостью, но… Понял, вы замужняя дама.

Она не ответила, и он попробовал протиснуться в открывшуюся брешь:

– Вот и позвонили бы муженьку!

Она опять сжала кулаки.

– Выпорхнул в форточку? Неудивительно, при вашем-то нраве…

Она бросила на него такой взгляд, словно он пырнул ее кинжалом в живот, потом ее лицо из обозленного сделалось бесстрастным.

– Представьте, его больше нет в живых.

* * *

Осознав свою бестактность, Гэбриэл смущенно повесил голову. Но попросить прощения не успел: раздался чудовищный звонок, смесь сальсы и «электро».

– Я слушаю, Сеймур!

– Я нашел решение твоей проблемы, Алиса. Помнишь Никки Никовски?

– Вообще-то не очень…

– Когда мы встречали в Нью-Йорке прошлое Рождество, у нас была встреча с группой современных художников.

– Припоминаю: в доме у набережной, да?

– Правильно, в квартале Ред-Хук. Мы долго болтали с одной из них, занимавшейся шелкографией на стальных и алюминиевых листах.

– В конце концов она загнала тебе два своих шедевра, – вспомнила она.

– Вот-вот, я о ней, о Никки Никовски. У меня остался номер ее телефона, сейчас я с ней созвонился. У нее мастерская в помещении бывшего завода. По роду деятельности она располагает инструментами, чтобы справиться с наручниками. Она согласилась тебе помочь.

Алиса облегченно перевела дух и поделилась со своим заместителем тут же созревшим у нее планом:

– А ты тем временем начинай копать, Сеймур. Первое – записи камер наблюдения из подземного гаража на авеню Франклина Рузвельта. Узнай, стоит ли там мой автомобиль.

В Сеймуре заговорил профессионал:

– Ты сказала, что тебя полностью обчистили. Попробую отследить твой мобильник и движения на твоем банковском счете.

– Правильно. А еще узнай, какие частные рейсы вылетели из Парижа в США за эту ночь. Начни с Ле-Бурже, потом займись другими бизнес-аэропортами вокруг Парижа. Дальше: раскопай, что известно про Гэбриэла Кейна, американского джазового пианиста. Проверь, действительно ли он выступал вчера вечером в дублинском клубе «Браун Шугар».

– Берете меня в оборот? – попытался вмешаться Гэбриэл. – Не много ли вы на себя берете?

Алиса потребовала жестом, чтобы он умолк, и продолжила набрасывать для своего заместителя план действий:

– Допроси моих подружек, мало ли что… Карин Пайе, Малика Хаддад, Самия Шуаки. Мы учились вместе на юридическом факультете. Их координаты есть в моем рабочем компьютере.

– Заметано.

Ее вдруг посетила новая мысль.

– На всякий случай попробуй проследить историю ствола. Это «Глок-22». Запиши серийный номер…

Она продиктовала сочетание букв и цифр.

– Готово, записал. Я все сделаю, чтобы тебе помочь, Алиса. Только мне придется поставить в известность Тайландье.

Алиса зажмурилась. Перед ее мысленным взором появилась Матильда Тайландье, полицейский комиссар, командовавшая ее следственной бригадой. Тайландье на дух не выносила Алису, та отвечала ей взаимностью. Со времени «дела Эрика Вона» комиссар неоднократно пыталась убрать ее с набережной Орфевр. До сих пор этому противилось из собственных политических соображений вышестоящее начальство, тем не менее Алиса сознавала, что стул под ней изрядно шатается.

– Не вздумай! – отрезала она. – Не посвящай в эту историю других, крутись сам. Я столько раз вызволяла тебя из передряг, чтобы надеяться, что ради меня ты сможешь рискнуть, Сеймур.

– Ладно, – уступил он. – Будут новости – сразу перезвоню.

– Лучше я сама. Вряд ли у меня долго пробудет этот телефон. Поскорее скинь мне эсэмэской координаты своей Никки Никовски.

Через считаные секунды прилетело сообщение с адресом мастерской художницы. Алиса кликнула по ссылке, заработал GPS.

– Ред-Хук – не ближний край, – заметил Гэбриэл, заглянув ей через плечо.

Елозя пальцем по экрану, Алиса увеличила масштаб, чтобы лучше сориентироваться на местности. Мастерская располагалась на юго-западе Бруклина, добраться туда на своих двоих нечего было даже и мечтать. Общественный транспорт тоже исключался.

– Нам даже нечем заплатить за автобус или метро, – буркнул Гэбриэл, как будто читая ее мысли.

– Что же вы предлагаете? – заносчиво спросила она.

– У меня простое предложение: угнать машину. Только в этот раз, чур, не вмешивайтесь.

* * *

На углу Амстердам-авеню и 61-й стрит, в бетонном тупичке между двумя жилыми домами, стоял старенький «мини». Гэбриэл разбил локтем стекло в водительской дверце. Перед этим они с Алисой четверть часа искали автомобиль, стоящий в укромном местечке, причем почтенного возраста, чтобы была надежда завести его «по старинке».

Видавший виды *Austin Cooper S* был двухцветным: серебристо-бежевый низ, белая крыша. Видно было, что владелец-коллекционер не пожалел усилий, чтобы восстановить этот экземпляр конца 60-х годов.

– Вы точно знаете, что делать?

Гэбриэл уклонился от четкого ответа.

– Как будто в этой жизни можно хоть что-то знать точно!

Он засунул руку внутрь и открыл дверцу. Кинозрителей вводят в заблуждение: угнать машину, соединив проводки зажигания, – та еще морока. Тем более когда один угонщик прикован к другому наручниками.

Гэбриэл скользнул на водительское сиденье и налег грудью на руль из алюминия и полированной древесины, а Алис, делая вид, что беседует с ним, оперлась о машину.

Они, не сговариваясь, поделили роли: она следила за безопасностью, он взял на себя механическую часть.

Первым делом он разбил пластмассовый кожух рулевой колонки, убрал свободной рукой обломки и добрался до проводов. Из старого пластмассового цилиндра торчали три пары проводков разных цветов.

– Где вы этого набрались?

– В уличной школе. Квартал Энглвуд, Южный Чикаго.

Он пригляделся к пучку проводов и понял, какая пара идет к аккумулятору.

– Вот провод, питающий электрическую сеть автомобиля, – сказал он учительским тоном, показывая сообщнице два коричневых проводка.

– Я сплю? Вы решили прочесть мне лекцию по механике?

Он с обиженным видом вытянул проводки из цилиндра, оголил кончики и перекрутил вместе, чтобы сработало зажигание. Тут же зажегся приборный щиток.

– Хватит копаться! С кем я связалась? Нас уже заметила женщина на балконе.

– Думаете, одной рукой это легко? Посмотрел бы я, как бы вы справились на моем месте!

– Не надо было хвастаться «уличной школой».

Уступая давлению, он пренебрег осторожностью и зубами откусил обмотку с проводков стартера.

– Чем язвить, лучше помогите. Возьмите вот этот провод. Аккуратно поднесите его к моему… Вот так…

Искра, рокот мотора. Они заговорщически переглянулись. Первая маленькая победа!

– Скорее! – прикрикнула она и оттолкнула его от руля. – Поведу я.

– И речи быть не может…

– Это приказ! – гаркнула она. – Кстати, других вариантов нет. Я рулю, вы переключаете передачи.

5
Ред-Хук

Некоторые вещи лучше узнавать в тишине, некоторые – в грозу.
Уилла Кэсер «Песня жаворонка»

На углу Бродвея и 66-й стрит стоял узнаваемый за милю *«Форд Таурус»* нью-йоркской полиции.

Что ты там застрял, Майк?

В машине сидела, нетерпеливо постукивая пальцами по рулю, 24-летняя Джоди Костелло. Она поступила на службу в полицию всего лишь в начале месяца и пока что находила в ней маловато захватывающего – не то, на что надеялась. С утра пораньше – еще и трех часов не прошло – она выехала на патрулирование, и у нее уже успели затечь ноги. Вверенный ей сектор населял зажиточный люд, поэтому здесь царил покой, что было ей не по нраву. Вот уже две недели Джоди только и делала, что указывала направление туристам, гонялась за похитителями дамских сумочек, выписывала протоколы за нарушение скорости и удаляла с улиц блюющих пьяниц.

А чтобы эта служба не казалась Джоди медом, ей навязали не напарника, а форменный двуногий бочонок. Майку Эрнандесу оставалось полгода до выхода на пенсию. Он экономил движения, думал только о жратве и все старания направлял на то, чтобы ненароком не перетрудиться: из-за него они только и делали, что останавливались для покупки пончиков, гамбургеров, колы (в стаканах максимальной высоты); кроме того, Майк обожал точить лясы с торговцами и с любыми праздношатающимися. Своеобразный вариант «службы закона под боком»…

Ну, сколько можно! – бесилась Джоди. – *Два часа на покупку оладий – это уже перебор.*

Включив «мигалку» на крыше, она вылезла из машины и громко хлопнула дверцей. Когда она уже была на пороге лавки, откуда намеревалась выволочить своего ленивца-напарника, из-за угла появилась и бегом устремилась к ней стайка юнцов, человек шесть.

– *Ladron, ladron!*

Приказав желторотым испанским туристам утихнуть, она приготовилась слушать их корявый английский. Она уже решила, что речь пойдет о заурядной краже мобильника, и собралась отправить их в 20-й полицейский участок – пускай заявят о краже там, но тут ее внимание привлекла одна подробность.

– Ты уверен, что воришки были в наручниках? – обратилась она к тому из крикунов, кто показался ей наименее глупым и наиболее толстым – грубо стриженному под горшок круглолицему очкарику в футболке футбольного болельщика.

– В наручниках, в наручниках! – подтвердил испанец и был шумно поддержан остальными.

Джоди прикусила нижнюю губу.

Беглые заключенные?

Вряд ли. С утра она, как положено, ознакомилась со всеми ориентировками и приметами, предоставленными коллегами-патрульными. Никто из разыскиваемых не имел сходства с описанием двоих злоумышленников.

Интуиция заставила ее достать из багажника машины собственный планшет.

– Марка похищенного телефона?

Получив ответ, она зашла на «облачный» сайт изготовителя, потом узнала у пострадавшего адрес его электронной почты и пароль от нее.

Теперь приложение предоставило ей доступ к почте пользователя, к списку его контактов и, главное, к местонахождению гаджета. Весь этот протокол был Джоди хорошо знаком, потому что за полгода до этого она прибегала к нему в личных целях. Таким нехитрым способом она отслеживала посещения ее «бывшим» любовницы, накапливая доказательства его измен. Нажатие на кнопку – и на схеме города замигала синяя точка. Если сайт не врал, украденный у толстячка телефон двигался как раз в этот момент по Бруклинскому мосту!

Видимо, воришкам мало было простой кражи, они усугубили свою вину, угнав автомобиль, и покатили прочь с Манхэттена.

Джоди встряхнулась и воодушевилась: наконец-то забрезжил шанс как следует поработать, проявить себя и заслужить повышение.

Теоретически ей следовало бы передать добытые сведения по полицейской радиочастоте, чтобы подозреваемых арестовал бруклинский патруль. Но она не собиралась упускать свалившуюся прямо ей в руки возможность отличиться.

Она покосилась на дверь заведения с пончиками, за которой исчез Майк Эрнандес. Похоже, он прочно там засел.

Тем хуже для него.

Она прыгнула за руль, запустила «мигалку» на максимальное вращение, включила сирену и помчалась в Бруклин.

* * *

Окруженный водой квартал Ред-Хук, где раньше обитали докеры, располагался на кончике западного мыса Бруклина.

«Мини» промчался по главной улице Ван Брант, пересекавшей квартал с севера на юг и заканчивавшейся тупиком. Дальше, за решетчатой оградой, тянулись причалы.

Алиса и Гэбриэл затормозили у щербатого тротуара. Наручники не оставляли им иной возможности, кроме как выбраться из машины через одну дверь. Солнце светило вовсю, но насладиться им мешал ледяной ветер.

– Ну и холодрыга здесь! – пожаловался джазист, поднимая воротник.

Алиса понемногу узнавала это место, своеобразную красоту индустриального пейзажа, заброшенных складов, шеренг портовых кранов, столпотворения торговых контейнеровозов и барж.

Ощущение края света, иногда нарушаемое противотуманными гудками паромов.

В прошлый раз, когда она была здесь с Сеймуром, квартал приходил в себя после недавнего урагана «Сэнди». Тогда на первой линии залило подвалы и первые этажи. Теперь от буйства стихии не осталось и следа.

– Мастерская Никки Никовски находится вот здесь, – сказала Алиса, указывая на кирпичное строение пугающих размеров, бывшее некогда, судя по множеству труб, одним из флагманов былого индустриального расцвета Бруклина.

Они зашагали в сторону обращенного к морю фасада. Берег был почти безлюден: ни туристов, ни гуляющих. На Ван Брант кое-как выживали маленькие кафе и лавочки, но в это утро еще ни одни из них не успели открыться.

– Кто она, собственно, такая? – поинтересовался Гэбриэл, перешагивая через канализационную трубу.

– Топ-модель, блиставшая в девяностых годах.

У джазиста загорелись глаза.

– Настоящая манекенщица?

– Мало же надо, чтобы вас завести! – неодобрительно буркнула она.

– При чем тут это, просто я удивлен таким перерождением, – попробовал он оправдаться.

– Так или иначе ее картины и скульптуры начинают ценить галеристы.

– Ваш друг Сеймур – ценитель современного искусства?

– Более того, он увлеченный коллекционер. Эту страсть он унаследовал от своего отца заодно с приличным состоянием, позволяющим ее удовлетворять.

– А вы?

Она пожала плечами.

– Я в искусстве ничего не смыслю. Каждому свое: у меня мои собственные охотничьи трофеи.

Он прищурился.

– Что же вы коллекционируете?

– Не что, а кого: преступников, всевозможных убийц и душегубов.

Дойдя до бывшей фабрики, Алиса и Гэбриэл немного потоптались в нерешительности, прежде чем обратить внимание на тяжелую чугунную дверь без замка. Войдя, они воспользовались лифтом, вернее, подъемной платформой, нажав на кнопку последнего этажа. Лифт доставил их на забетонированную площадку с противопожарной дверью. Пришлось долго звонить в звонок, прежде чем перед ними появилась Никки.

* * *

На художнице был грубый кожаный фартук, толстые перчатки, противошумовые наушники, темные очки. Больше всего она походила на продавщицу скобяных изделий; вряд ли кто-нибудь смог бы угадать в ней бывшую модель.

– Здравствуйте, я Алиса Шефер. Мой друг Сеймур должен был…

– Скорее сюда! – перебила ее Никки, снимая маску и очки. – Учтите, на все ваши россказни мне плевать, не желаю в это встревать. Я срезаю вам наручники, после этого вы выметаетесь, понятно?

Они с готовностью закивали и ввалились в дверь.

Помещение, где они оказались, было форменной скобяной лавкой, мало чем похожей на мастерскую художницы. Свет сюда проникал только через окно; бесконечные стены были густо увешаны самыми разномастными инструментами: разнокалиберными молотками, паяльниками – как древними, так и ультра-современными. В горне пламенели угли, отбрасывая оранжевый отсвет на наковальню и на кочергу.

Гости последовали за Никки, старясь не ушибиться о заполнившее почти все пространство железо: выполненные методом шелкографии алые и охряные монотипы, горевшие на стали, угловатые ржавые скульптуры, дотягивавшиеся до потолка и грозившие пробить его остриями.

– Сядьте здесь! – распорядилась скульптор, указывая на два шатких стула, приготовленных для них заранее.

Алисе и Гэбриэлу не терпелось со всем этим покончить, поэтому они с готовностью уселись по разные стороны от наковальни. Прикрутив к шлифовальному станку поперечную пилу, Никки велела им вставить цепочку наручников в тиски. Потом раздался адский скрежет – машина заработала. Умелица шагнула к беглецам.

Секунда-другая – и диск разрезал одно из звеньев, цепь распалась. После нескольких ударов острым долотом по стальным браслетам развалились и они.

– Наконец-то! – с облегчением вырвалось у Алисы, растирающей стертые до крови кисти.

Она забормотала слова благодарности, но Никки ничего не желала слушать.

– Чтобы духу вашего здесь не было! – прикрикнула она, указывая на дверь.

Радуясь обретенной свободе, беглецы охотно подчинились.

* * *

Снова оказавшись на берегу, оба не удержались от широкой улыбки. Свершившееся освобождение не ответило ни на один их вопрос, однако стало важным этапом: обретенная автономия была первой ступенькой, приближавшей их к истине.

Первые шаги давались удивительно легко, как будто они сбросили с плеч непосильный груз. Ветер – и тот потеплел, синее небо резко контрастировало с суровостью пост-индустриального декора: заброшенными пустырями, тянущимися в никуда ангарами и складами. Сама жизнь казалась пьянящей. Отсюда можно было одним взглядом окинуть весь Нью-Йоркский залив от Статуи Свободы до самого Нью-Джерси.

– Идемте, угощу вас капучино! – радостно предложил Гэбриэл, указывая на мини-кафе, устроенное в разрисованном граффити трамвайном вагончике.

Алиса охладила его энтузиазм.

– Чем, интересно, будете расплачиваться? Или кофе тоже собираетесь украсть?

Он поморщился, недовольный тем, что его спустили с небес на землю, потом пощупал свое предплечье. Боль, с которой он проснулся утром, стала за эти часы острее.

Сняв пиджак, он обнаружил, что рукав рубашки пропитался кровью, и закатал его. Руку стягивала тугая повязка, тоже в запекшейся крови. Гэбриэл осторожно размотал ее и обнажил довольно глубокую рану, тут же снова начавшую кровоточить. Все предплечье было в порезах – на счастье, менее глубоких. В расположении порезов чудился некий смысл…

– Это же цифры! – воскликнула Алиса, помогавшая ему промокать выступившую кровь.

Она не ошиблась: неведомый мясник нацарапал на нем таким бесчеловечным способом цифры:

141197

Теперь Гэбриэлу было не до веселья. За несколько секунд душевный подъем, вызванный обретением свободы, сменился тревогой.

– Опять код? Над нами поработал отъявленный псих, меня от него уже тошнит!

– Только это уже не номер телефона, – заметила Алиса.

– Тогда, может, дата? – невесело пошутил он, снова натягивая свой узкий пиджак.

– 14 ноября 1997 года? А что, не исключено.

Он посмотрел молодой француженке прямо в глаза.

– Послушайте, мы не можем продолжать блуждать вот так, без документов и денег.

– Что вы предлагаете? Обратиться в полицию? Да-да, а то они еще не знают, кто угнал автомобиль.

– Это все из-за вас!

– А вы, оказывается, храбрец! И вдобавок образцовый джентльмен. Заметьте, как удобно у вас все получается: всегда во всем виноваты другие. Вот я вас и раскусила.

Он сдержался, чтобы не вспылить, и постарался не вступать в спор.

– Я знаю ломбард в Чайнатауне, там ссужают деньги под залог. Его адрес передают друг другу джазисты, иногда вынужденные заложить инструмент.

Она заподозрила в его словах ловушку.

– Любопытно, что вы там заложите? Ваше пианино?

Он криво усмехнулся и выразительно посмотрел на запястье парижанки.

– Единственное наше достояние – эти часики.

Она отпрянула.

– Не наше, а мое! Можете даже не мечтать.

– «Патек-Филипп» как-никак. За них дали бы не меньше…

– Сказано вам: нет! – прикрикнула она. – Это часы моего мужа.

– Что еще? Разве что этот сотовый…

Видя, что он достает из кармана телефон, она с трудом справилась с желанием его задушить.

– Вы его припрятали! Я велела вам его выбросить, а вы?..

– Еще чего! Слишком дорого он нам достался! К тому же теперь это – единственное наше богатство. Он еще может нам пригодиться.

– Из-за него нас в три минуты засекут! Или вы не читаете детективы? И в кино не ходите?

– Да ладно, расслабьтесь. Это вам не кино.

Она уже открыла рот, чтобы выложить все, что о нем думает, но ничего не успела сказать. Завывание сирены заставило ее оглянуться и замереть при виде красных отблесков. К ним мчалась с включенной сиреной и «мигалкой» полицейская машина.

* * *

– Бежим! – крикнула она, хватая Гэбриэла за руку.

Они бросились к «мини». Алиса прыгнула на сиденье и рванула с места. Улица Ван Брант вела в тупик, поэтому, подпустив машину полиции близко, они лишились бы возможности удрать тем путем, каким сюда приехали.

То есть всякой возможности бегства.

Подобие надежды сулили разве что решетчатые ворота, ведшие на причал, но они были замотаны цепью и заперты на замок.

Выбора нет.

– Пристегнитесь! – приказала Алиса Гэбриэлу и вцепилась в руль. Разогнавшись на тридцати метрах, остававшихся до ворот, она врезалась в створку. Цепь лопнула, и «мини» вылетел под аккомпанемент скрежета на заброшенные трамвайные пути, огибавшие бывший завод.

Пристыженный Гэбриэл опустил стекло и выбросил телефон в окно.

– Поздно! – прошипела Алиса, испепеляя его взглядом.

Сидя в считаных сантиметрах от земли, молодая женщина чувствовала себя водителем игрушечного автомобиля. Со своей узкой колесной комплектацией и маленькими колесиками «купер» опасно раскачивался, проваливаясь в любое углубление.

Зеркало заднего вида свидетельствовало о том, о чем можно было догадаться, даже не глядя назад: полицейская машина увязалась за ними. После ста метров обреченной гонки вдоль моря Алиса заметила уходящую вправо улицу и резко свернула туда. На асфальте, мчась на север по прямой, она вдавила педаль акселератора в пол. В это время дня в этой части Бруклина изрядно прибавилось транспорта. Алиса проскочила два светофора подряд, чуть не устроила аварию, но оторваться от полицейского «Тауруса», тоже развившего приличную скорость, пока не удавалось.

По части комфорта «мини» никуда не годился, зато руль слушался образцово. Старичок хорошо вписался в виражи, взвизгнув резиной, вылетел на главную артерию квартала.

«Таурус» в зеркале заднего вида зловеще увеличивался в размере и выглядел все более грозным.

– Они сели нам на хвост! – испуганно крикнул Гэбриэл, оглянувшись.

Алиса была готова нырнуть в тоннель, ведущий на скоростную трассу. Но, как ни велик был соблазн затеряться в потоке машин, на трассе «мини-моррис» не смог бы тягаться с седаном с ревущим двигателем V8 под капотом.

Снова положившись на свой инстинкт, Алиса ударила по тормозам и, резко крутанув рулем, выскочила на пешеходный мостик, обеспечивавший ремонтникам доступ к крыше подземного перехода.

– Вы нас погубите! – завопил Гэбриэл, вцепившийся что было сил в свой ремень безопасности.

Держа одной рукой руль, другой дергая рычаг передач, Алиса преодолела метров двадцать по щебенке, вышла из заноса и вылетела на бетонный «дублер», проложенный в сторону Кобб Хилл.

Разок пронесло…

Руль влево, руль вправо, другая передача…

Теперь машинка мчалась по торговой улице, усеянной пестрыми лавочками: здесь орудовал топором мясник, там торговала лакомствами итальянская бакалея, а вот щелкал ножницами парикмахер…

* * *

Пейзаж за окнами машины стремительно менялся. Индустриальную картину Ред-Хук вытеснил мирный пригород: маленькая церковь, маленькая школа, маленькие садики перед вереницей одинаковых домиков из рыжего песчаника.

Как ни узки были здесь улицы, Алиса не сбавляла скорость и при этом едва не стукалась лбом о ветровое стекло, но ей было не до того: ее занимала одна навязчивая мысль. Пейзаж вокруг менялся все быстрее. При каждом переключении передачи звучал зловещий треск, означавший крайний, возможно, аварийный износ коробки.

Проскочив мимо одной из улочек, Алиса резко затормозила, сдала назад и так, задним ходом, лихо повернула.

– Сюда нельзя, здесь одностороннее движение!

Даже если бы не этот крик Гэбриэла, ей не позволил бы двигаться дальше фургон доставки, вставший поперек улицы.

– Тормозите, сейчас врежемся!

Но Алиса, наоборот, поднажала, и «мини» выскочил на тротуар. Изношенные амортизаторы не справились с толчком, машину сильно тряхнуло. Отчаянно гудя, Алиса объехала фургон и увидела в зеркало заднего вида, как машина полиции остановилась с ним бампер в бампер.

Выигрыш в несколько секунд.

Все так же, задним ходом, машинка промчалась по тротуару и выскочила на асфальт, где ее сильно занесло.

Теперь они приближались к английскому саду с витой изгородью – парку Коббл Хилл.

– Вы знаете, где мы? – спросила Алиса, катясь вдоль ограды сада уже не так быстро.

Гэбриэл изучал дорожные указатели.

– Вот здесь правее, так мы окажемся на Атлантик-авеню.

Она послушалась, и они выехали на четырехполосную дорогу, проложенную поперек Нью-Йорка, от окрестностей аэропорта имени Джона Фицджеральда Кеннеди до берега Ист-Ривер. Алиса сразу узнала эту трассу, потому что по ней доезжала иногда на такси до аэропорта.

– Где-то тут мост «Манхэттен Бридж».

– Позади нас.

Она развернулась и поехала по федеральной автостраде. Вскоре впереди появилась многоуровневая развязка, ведущая на Манхэттен: серые опоры мостов и две стальные башни со струнами тросов.

– Сзади!..

Их опять настигала полицейская машина.

Теперь развернуться было негде. Оставалось два варианта действий: умчаться на Лонг-Айленд или вернуться на Манхэттен. На повороте 29А они ушли вправо. Мост «Манхэттен-Бридж» представлял собой спрута с восемью автомобильными коридорами, четырьмя линиями метрополитена и довеском в виде велосипедной дорожки. Заглатывая потоки транспорта в Бруклине, он извергал их на берег Ист-Ривер.

Неожиданно проезжая часть сузилась. Прежде чем попасть на мост, нужно было проехать по бетонной эстакаде в форме петли.

Здесь машины сбились в плотное стадо, едва не стукаясь бамперами. По примеру остальных Алиса включила аварийные габариты. Полицейские зависли метрах в ста позади них. Сирена не помогала: узость эстакады не позволяла остальным расступиться и пропустить слуг правопорядка. Но положение беглецов от этого не улучшалось, у них тоже не было шансов вильнуть в сторону.

– Мы пропали! – приуныл Гэбриэл.

– Отчего же, мост в нашем распоряжении.

– А еще у нас есть три минуты на размышление. Они располагают нашими приметами, а теперь еще и знают нашу машину. Даже если мы проскочим, на другом конце моста нас остановят другие полицейские.

– Да уймитесь вы! Вам напомнить, из-за кого нас засекли? Из-за вас! Сказано вам было выкинуть проклятый телефон…

– Ладно, виноват. Что дальше?

Она немного посидела с закрытыми глазами. Сомнительно, чтобы копы уже выяснили, кто они такие; впрочем, это неважно. Кейн прав, говоря, что главной проблемой стал их автомобиль.

– Ваша правда…

Видя, что машины впереди начинают двигаться чуть быстрее, она отстегнулась и открыла дверцу.

– Возьмите руль! – скомандовала она Гэбриэлу.

– Не понял про «мою правду»…

– Нас выдает машина. Я попробую это исправить.

Он, недоумевая, перелез в ее кресло. Поток машин на эстакаде понемногу ускорялся. Он прищурился, стараясь не терять Алису из виду. Находчивость этой особы не переставала его изумлять. Сейчас она смело скользила в автомобильной пробке. В следующую секунду Гэбриэл испытал приступ паники: у него на глазах Алиса достала из кармана куртки пистолет. Ее выбор пал на старенькую бежевую «Хонду Аккорд».

В такой безликой тачке легче всего затеряться в потоке, сообразил он.

Под угрозой оружия сидевшая за рулем «Хонды» женщина вышла, перелезла, не оглядываясь, через ограждение и стала торопливо спускаться по двадцатиметровой зеленой насыпи.

Гэбриэл не удержался от восхищенного свиста. Оглянувшись, он убедился, что машина с полицейскими застряла у въезда на эстакаду. На таком расстоянии происходившего было не разглядеть.

Он выскочил из «мини» и запрыгнул в «Хонду» в тот самый момент, когда и ей настал момент трогаться с места.

* * *

Подмигнув Алисе, Гэбриэл решил немного поныть – так он надеялся разрядить обстановку.

– Лично я успел привязаться к нашей английской крохе. Куда до нее этой колымаге!

Алиса сидела напряженная, даже улыбнуться не могла.

– Чем паясничать, пошарили бы в бардачке.

Бормоча слова извинения, он нашел кое-что, чего ему больше всего недоставало с момента утреннего пробуждения: пачку сигарет и зажигалку.

– Слава богу! – воскликнул он, спешно закуривая.

Сделав две затяжки, он отдал сигарету Алисе. Та, не выпуская руль, тоже затянулась и испытала опасное для водителя головокружение. Нужно было срочно заморить червячка, иначе ей грозил обморок.

Она опустила стекло, но воздух сомнительной свежести был слабой заменой еде. Справа сияли несчетными огнями небоскребы Манхэттена, слева громоздились строения Нижнего Ист-Сайда – настоящая декорация из старых детективов, любимого чтива ее мужа Поля.

Поль…

Она отбросила воспоминания и посмотрела на часы. С момента их пробуждения в парке минуло уже больше часа. За это время они не узнали ровным счетом ничего. Загадка оставалась загадкой, более того, ее усугубили новые вопросы, сделавшие ситуацию еще парадоксальнее. Еще опаснее.

Расследование необходимо было переключить на повышенную передачу. Здесь прав был Гэбриэл: без денег они были бессильны.

– Какой адрес этого вашего ломбарда? – крикнула она на въезде в Манхэттен.

6
Чайнатаун

Состариться – это не что иное, как перестать бояться своего прошлого.
Стефан Цвейг «24 часа из жизни женщины»

За Бауэри они свернули на Мотт-стрит. Там Алиса нашла перед китайской лавкой лекарственных растений местечко для парковки. Несмотря на тесноту, она умудрилась влезть между фургоном доставки и автолавкой, торговавшей димсамами.

– Помнится, ломбард чуть дальше, – сообщил Гэбриэл, хлопнув дверцей.

Алиса заперла машину и заторопилась за ним.

Они почти бегом промчались по главной улице квартала, разрезавшей Чайнатаун с севера на юг, – узкому, запруженному людьми, полному толкотни коридору домов из темного кирпича, перевитыми железными лестницами. Вдоль тротуара тянулись, налезая друг на друга, бесчисленные лавки с расписанными иероглифами витринами: здесь набивали татуировки, лечили иглоукалыванием, ограняли драгоценные камни, торговали поддельными предметами роскоши, бакалеей, всевозможными мясными изделиями, в том числе потрошенными черепахами, над которыми висели на крюках утиные тушки.

Ломбард, манивший надписью «продаем, покупаем, ссужаем», располагался в сером здании, украшенном огромным неоновым драконом. Гэбриэл толкнул дверь. Алиса прошла следом за ним по темному коридору и оказалась в просторном мрачном помещении без окон, провонявшим кислым потом.

Все стены здесь были заставлены металлическими этажерками, заваленными разномастным барахлом: плоскими телевизорами, дамскими сумочками с поддельными фирменными эмблемами, музыкальными инструментами, плюшевыми зверюшками, абстрактными картинами.

– Снимайте часы! – потребовал Гэбриэл и протянул руку.

Алиса заколебалась. После смерти мужа она избавилась – явно поторопилась – от всего, от чего могла: от мебели, одежды, книг. Слишком все это напоминало ей о человеке, которого она так любила. Оставила только эти часы, «Патек Филипп» из розового золота с вечным циферблатом и фазами луны, доставшимися Полю от деда.

Месяц за месяцем часы превращались для нее в талисман, в память о Поле. Она надевала их каждый день, повторяя манипуляции мужа: застегивала на запястье медный браслет, вытягивала пусковую кнопку, протирала стекло. Часы действовали на нее умиротворяющее, дарили ощущение – немного искусственное, конечно, но такое нужное, – что Поль остается с ней, что он где-то рядом.

– Пожалуйста! – поторопил ее Гэбриэл.

Они подошли к стойке, защищенной перегородкой из армированного стекла, за которой стоял молодой азиат, женоподобный и очень ухоженный: со сложной прической, в джинсах в обтяжку, в хипстерских очочках, узкой курточке поверх футболки кислотного цвета, разрисованной в стиле Кита Харинга.

– Чем могу быть вам полезен? – осведомился китаец, убирая за ухо длинную прядь. Его продуманный облик резко контрастировал с тягостной убогостью вокруг. Алиса с сожалением сняла часы и положила их на стойку.

– Сколько?

Парень взял часы и внимательно рассмотрел, повертев в пальцах.

– У вас есть документ с подтверждением подлинности? Какой-нибудь сертификат?

– При себе нет, – пробормотала она. Если бы взгляды могли убивать, китаец тут же расстался бы с жизнью.

Он небрежно поднял и опустил кнопку, подвигал туда-сюда стрелками.

– Это хрупкая вещь, – напомнила она.

– Я устанавливаю дату и время, – ответил парень, не поднимая головы.

– Они все показывают правильно. Хватит возиться! Берете или нет?

– Предлагаю пятьсот долларов.

– Вы с ума сошли! – взорвалась Алиса, отнимая у него часы. – Это коллекционная вещь! Она стоит раз в сто дороже!

Она уже готова была сбежать, но Гэбриэл остановил ее, схватив за руку.

– Успокойтесь! Вы же их не продаете, а просто закладываете. Мы заберем их, как только разберемся со всей этой историей.

Она покачала головой.

– Ничего не выйдет. Придется искать другой выход.

– Другого выхода нет, и вы прекрасно это знаете! – повысил он голос. – Учтите, время поджимает. Надо что-то съесть, иначе мы лишимся последних сил. И вообще, без денег мы все равно что без рук. Лучше подождите меня снаружи, я сам с ним договорюсь.

Алиса обреченно отдала ему часы мужа и поспешила на улицу.

Там одуряюще пахло пряностями, копченой рыбой и маринованными грибами – удивительно, как она не почуяла всех этих ароматов несколько минут назад. Сейчас они вызвали у нее приступ тошноты, и она согнулась пополам. Желудок был пуст, поэтому ее вырвало одной желчью. Что не упасть от головокружения, она привалилась к засаленной стене.

Гэбриэл был прав, первая забота – хоть что-нибудь съесть.

Она протерла глаза. Оказалось, что по щекам у нее катятся слезы. Она чувствовала растерянность, даже испуг: этот квартал действовал на нее гнетуще, а тут еще голод и упадок сил. Недавнее напряжение не прошло даром. Стертое в кровь запястье горело огнем, ныли все до одной натруженные мышцы.

А главное, ее мучило чувство страшного одиночества, горя, смятения.

В голове метались сполохи мыслей, от которых впору было ослепнуть. Эпизод с часами оживил в ее памяти болезненное прошлое. Невозможно было не думать о Поле, об их знакомстве, о том, какое сладостное безумие ею тогда овладело, о силе любви, вытесняющей любые страхи.

Хлынувшие воспоминания было не унять, они зафонтанировали, как гейзер.

Воспоминания о безвозвратно канувших в прошлое днях счастья.

Я помню…

Три года назад

Париж. Ноябрь 2010 г.

Дождь льет как из ведра.

– Здесь направо, Сеймур. Приехали: улица Святого Фомы Аквинского.

Включенные на максимальную скорость «дворники» бессильны против обрушившихся на Париж ливней. Как они ни елозят по лобовому стеклу, его полностью заливает за пару секунд, так что ничего не разглядеть.

Наша обычная с виду машина сворачивает с бульвара Сен-Жермен на узкую улицу, ведущую к церковной площади.

Небо чернее черного, со вчерашнего вечера бушует гроза. Впереди нас не осталось тверди, все растекается. Церковь прячется в облаках, все ее завитушки и барельефы смазаны туманом, из которого выступают только угловые ангелы – им этот потоп нипочем.

Сеймур описывает круг по маленькой площади и останавливается там, где стоянка запрещена, – перед дверью гинекологического кабинета.

– Думаешь, это ненадолго?

– Не больше двадцати минут, – обещаю я. – Гинеколог прислал мне вызов по электронной почте. Я предупредила, что могу опоздать.

Он перелистывает сообщения на экране своего телефона.

– Тут рядом есть забегаловка. Куплю себе сэндвич, позвоню в бригаду, узнаю, как продвигается допрос у Савиньона и Крюши.

– Пошли мне эсэмэс, если будут новости. Я мигом. Спасибо, что подвез! – Я хлопаю дверцей и шмыгаю под дождь.

Глупо было надеяться не вымокнуть. Я накрываю голову полой куртки и так преодолеваю десять метров между машиной и заветной дверью. Целую минуту приходится ждать, пока она откроется. Когда я наконец попадаю внутрь, секретарь, не отрываясь от телефона, знаком извиняется и жестом направляет в комнату ожидания. Там я падаю в кожаное кресло.

С утра меня мучает какая-то мочеполовая инфекция, давшая о себе знать совершенно внезапно: боли внизу живота, позывы к мочеиспусканию каждые пять минут, острое жжение при опорожнении мочевого пузыря, кровь в моче.

И если бы только это! Последние сутки моя следственная группа не знает покоя. Мы мучаемся с убийцей, пытаясь добиться от него признания при отсутствии надежных улик, – и тут на нас сваливается новое дело: женщину находят убитой у нее дома, в приличном доме на улице Фезандери, в 16-м округе. Молодая учительница, жестоко задушена дамскими колготками. 3 часа дня, мы с Сеймуром копошимся на месте преступления с 7 утра. Сами напросились, чтобы нам дали вести это дело – по принципу соседства. Я ничего не ела, близка к голодному обмороку, и так хочется по-маленькому, что хоть плачь!

Я нахожу в сумочке свою незаменимую пудреницу и, смотрясь в зеркальце, пытаюсь привести хоть в какой-то порядок свою прическу. Я похожа на зомби, одежду хоть выжимай, теперь понятно, как себя чувствует мокрая кошка.

Я глубоко дышу, чтобы успокоиться. Такими болями я страдаю не впервые. Больно, конечно, но лечится без труда: доза антибиотика – и через день все симптомы проходят. Штука в том, что, как я ни умоляла провизора в аптеке напротив, тот наотрез отказался продать мне хоть что-нибудь без рецепта.

– Мадемуазель Шефер?

Я вскидываю голову на мужской голос. Передо мной белеет халат. Вместо своего привычного гинеколога я вижу смуглого красавца, белокурого, курчавого, с квадратным лицом и смеющимися глазами.

– Я – доктор Поль Малори, – представляется он, поправляя очки в роговой оправе.

– Я записана к доктору Понселе…

– Моя коллега в отпуске. Она должна была предупредить вас, что ее буду заменять я.

Я начинаю злиться.

– Напротив, она подтвердила мне прием по электронной почте.

Достаю телефон и ищу доказательство своих слов – ее письмо. Но, найдя и читая его, я убеждаюсь, что красавчик прав: я была невнимательна, мне было важно только подтверждение времени, уведомление об отпуске я проглядела.

Вот растяпа!

– Проходите! – ласково приглашает он.

Я неуверенно мнусь на пороге кабинета. Слишком хорошо знаю мужчин, чтобы довериться гинекологу мужского пола. Мне всегда казалось очевидным, что женщину гораздо лучше поймет другая женщина. Это вопрос физиологии, чувствительности, интимности. Оставаясь настороже, я все же вхожу в кабинет, сказав себе, что прием не затянется.

– Давайте напрямую, доктор, – начинаю я, набравшись смелости. – Мне всего лишь нужен антибиотик для лечения цистита. Доктор Понселе обычно выписывает мне…

Он глядит на меня с прищуром и перебивает:

– Прошу прощения, вы же не собираетесь сами продиктовать мне рецепт? Сами понимаете, я не могу выписать антибиотик, не проведя осмотра.

Я пытаюсь обуздать злость, понимая, что возникло непредвиденное осложнение.

– Я же говорю, у меня хронический цистит. Тут нечего диагностировать.

– Без сомнения, мадемуазель. И все же врач здесь – я.

– Кто бы спорил, я точно не врач. Просто я служу в полиции, и у меня работы выше крыши. Так что не отнимайте у меня время анализами и прочей тягомотиной.

– Именно этим я и собираюсь заняться. – Он сует мне урологическую полоску. – Увы, нам с вами не обойтись без цитобактериологического лабораторного анализа.

– А вы упрямец! Что вам стоит выписать мне антибиотики, и дело с концом?

– Призываю вас к благоразумию. Не ведите себя, как токсикоманка! Свет не сошелся клином на антибиотиках.

Меня охватывает усталость, я чувствую себя дурой. А тут еще колющая боль внизу живота. Утомление, копившееся со времени поступления в бригаду уголовных расследований, вскипает у меня внутри, как лава в вулкане. Слишком много бессонных ночей, перебор насилия и ужасов, призраки, которых не прогнать.

Мой резерв исчерпан, я опустошена. Спасение – в солнце, в теплой ванне, в новой прическе, в уютном халате, в двухнедельном отпуске где-нибудь подальше от Парижа. Подальше от самой себя.

Я смотрю на врача – изящного, прекрасно владеющего собой, немного жеманного. Красавчик, само спокойствие, ласковая чарующая улыбка. Меня бесят его белокурые кудри. Кажется, даже морщинки вокруг глаз он завел специально, для обольщения. Я чувствую себя глупой дурнушкой. Угораздило же меня припереться с такому Аполлону с воспаленным мочевым пузырем!

– Например, вы достаточно пьете? Знаете, что в половине случаев цистит лечится просто-напросто двумя литрами воды в день?

Его слова пролетают у меня мимо ушей. В этом я сильна: всегда быстро собираюсь с духом. В голове мелькают вспышки. Я вижу труп женщины, утренней жертвы по имени Клара Матюрен, задушенной нейлоновыми колготками. Вижу ее вытаращенные глаза, застывшую маску ужаса. Мне нельзя терять время, нельзя отвлекаться. Убийцу надо обезвредить, помешать ему совершить новое убийство.

– Или возьмем фитотерапию, – не унимается прекрасный блондин. – Есть чрезвычайно полезные растения, например, клюквенный сок.

Я действую на опережение: сама подбегаю к его столу и хватаю незаполненный бланк рецепта.

– Вы правы, пожалуй, я сама выпишу себе рецепт.

Он ошеломлен и ничего не делает, чтобы мне помешать.

Я разворачиваюсь и покидаю кабинет, хлопнув дверью.

Париж, 10-й округ.

Месяц спустя, декабрь 2010 г.

7 часов утра.

«Ауди» выезжает на ночную площадь Колонель-Фабьен. Огромное здание из стекла и бетона, штаб-квартира Коммунистической партии, залито светом прожекторов. Стоит арктический холод. Я включаю на полный режим отопление, описываю по площади полукруг и сворачиваю на улицу Луи-Блан. Переезжая через канал Сен-Мартен, я включаю радио.

Франс-Инфо, Бернар Томассон с утренними новостями.

Привет, Флоранс, привет всем! В канун Рождества главная тема новостей – это, боюсь, ненастье. Метеобюро Франции только что выпустило предупреждение оранжевого уровня, указав на возможность снегопада в Париже ближе к полудню. В этом случае движение в регионе Иль-де-Франс будет серьезно затруднено…

Как все это надоело: рождественский ужин, семейные обязательства… Хорошо хоть, что Рождество бывает всего раз в году. Хотя для меня даже раза в году многовато.

В этот утренний час Париж еще не накрыло обещанной стихией, но ждать уже недолго. Пользуясь пока еще терпимым движением, я проскакиваю мимо Восточного вокзала и лечу по бульвару Мажента, пересекая 10-й округ с севера на юг.

Мне все обрыдли: и матушка, и сестрица, и братец. Обрыдли эти ежегодные посиделки, неизменно оборачивающиеся кошмаром. Беренис, младшая сестра, живет в Лондоне, у нее там галерея живописи на Нью-Бонд-стрит. Старший брат Фабрис работает в финансах в Сингапуре. Каждый год они на два дня притаскивают свои половинки и отпрысков на виллу моей матери под Бордо, чтобы отпраздновать Рождество, а потом улететь во всякие экзотические залитые солнцем места: Мальдивы, Маврикий, Карибские острова…

Служба прогноза «Бизон Фюте» настоятельно не рекомендует пользоваться сегодня автомобилем в парижском регионе и соседних западных департаментах. Но накануне Рождества трудно последовать этому совету. Встревожена и префектура, опасающаяся гололеда после снегопада ближе к вечеру, когда температура упадет ниже нуля.

Улица Реамюр, улица Бобур: я проезжаю по западу Марэ, впереди Ратушная площадь, сияющая иллюминацией, вдали вырисовываются две массивные башни и стрела Нотр-Дам.

Год за годом в эти два дня разыгрывается – с небольшими вариациями – одна и та же пьеса: мать превозносит успехи Беренис и Фабриса, их жизненный выбор и блестящие карьеры. Ей все по душе: их дети, блестящее образование, которое они получают, их отметки. Все разговоры всегда об одном и том же: эмиграция, бегство от налогов, франкофобия.

Меня для них не существует. Я отбилась от стада. Я «парень в юбке», замарашка, неудачница. Папочкина дочка.

Затруднения могут распространиться на некоторые линии метро и Парижской железной дороги. Ожидаются задержки авиарейсов. Аэропорты Парижа ждет «черный день»: тысячи пассажиров рискуют не улететь в назначенное время.

Впрочем, снежные заряды пощадят долину Роны и средиземноморское побережье. В Бордо, Тулузе, Марселе температура составит 15–18 градусов, в Ницце и Антибе можно будет поужинать на террасе, ведь там ртутный столбик достигнет отметки 20 градусов.

Надоело быть подсудимой у этих болванов! Надоели одни и те же реплики: «Так и живешь без дружка?», «Не подумываешь забеременеть?», «И чего ты ходишь мешок мешком?» и «Может, пора выйти из подросткового возраста?».

Не говоря уж об их вегетарианской диете, психозе с сохранением фигуры и доброго здравия: всех этих орешках (скоро крылышки отрастят и вспорхнут), тошнотворных киноа, тофу, пюре из цветной капусты!

Сворачиваю на улицу Кутельри, еду над набережной по мосту Нотр-Дам. Волшебное место: слева исторические здания больницы «Отель Дьё», справа фасад Консьержери и крыша Часовой башни.

Всякий раз, возвращаясь в отчий дом, я испытываю чувство, что попятилась на тридцать лет назад, что опять открылись детские раны, ожили подростковые травмы, опять разгораются конфликты, грозящие братоубийством. Полнейшее одиночество – вот какое чувство меня там охватывает.

Каждый год я даю себе слово, что больше этого не повторится, но проходит год, и снова-здорово. Сама не знаю, почему я это допускаю, зачем раз за разом туда суюсь. Как ни велико побуждение окончательно сжечь мосты, побеждает желание увидеть их лица, когда я предстану разодетая как принцесса, под ручку со своим неотразимым избранником.

Левый берег. Я мчусь по набережным, потом поворачиваю на улицу Сен-Пэр. Там сбавляю ход, включаю аварийную сигнализацию и торможу на углу улицы Лилль. Захлопнув дверцу машины, я натягиваю оранжевую нарукавную повязку и звоню в домофон красивого недавно отреставрированного дома.

Мой палец не отлипает от кнопки звонка целых полминуты. Мысль приехать сюда возникла у меня в начале недели, но сперва потребовалось кое-что разузнать. Знаю, мой поступок – безумие, но одно дело знать, а другое – отказаться от навязчивой мысли.

– Да, кто там? – отзывается заспанный голос.

– Поль Малори? Уголовная полиция, откройте, пожалуйста.

– А в чем дело?..

– Это полиция, месье. Открывайте!

Щелкают, отпираясь, сразу несколько замков. Вместо того чтобы воспользоваться лифтом, я бегу, перепрыгивая через ступеньки, на третий этаж и колочу в дверь.

– Иду, иду!

Мужчина, отперший дверь, – мой красавчик-гинеколог, но с утра пораньше вид у него, скорее, неприглядный: трусы, старая футболка, белокурые кудри всклокочены, рот удивленно разинут, усталость пополам с тревогой на лице.

– А я вас знаю, вы же…

– Капитан Шефер, криминальная бригада. Месье Малори, сообщаю вам, что вы взяты под арест с целью отъезда прямо сейчас, 24 декабря, в 7.16 утра. У вас есть право…

– Прошу прощения, но это точно ошибка! Не расскажете, на каком, собственно, основании?..

– Изготовление и использование фальшивых документов. Прошу следовать за мной.

– Это розыгрыш?

– Не принуждайте меня звать сюда моих коллег, месье Малори.

– Можно хотя бы надеть штаны и рубашку?

– Можно, только живо. Не забудьте теплую куртку, у нас плохо топят.

Пока он одевается, я озираюсь. Шикарную квартиру в стиле барона Османа переделали в мастерскую со строгим убранством: убрали кое-какие перегородки, отбелили паркет лесенкой, но оставили два мраморных камина с лепным орнаментом.

За обитой тканью дверью обнаруживается рыжеволосая особа лет двадцати, таращащая на меня круглые от страха глаза.

Сколько можно ждать?

– Пошевеливайтесь, Малори! – Для убедительности я бью в дверь кулаком. – Десять минут на натягивание брюк – не многовато ли?

Вышедший из-за ванны врач уже одет с иголочки, вид комар носу не подточит: твидовый пиджачок, клетчатые брючки, габардиновый макинтош, надраенные штиблеты. Сказав пару слов ободрения своей рыжей подружке, он спускается следом за мной по лестнице.

– Где же ваши коллеги? – спрашивает он на улице.

– Я приехала за вами одна. А вы хотели, чтобы вас выдирала из постели целая бригада?

– Это же не полицейская машина?

– Это машина для оперативных действий. Будьте умницей, садитесь вперед.

Поколебавшись, он все же садится рядом со мной.

Я трогаюсь с места, и мы в молчании едем по серому предрассветному городу. Когда позади остаются 6-й округ и Монпарнас, Поль теряет терпение:

– Послушайте, ну, серьезно, что это за цирк? Вы же знаете, месяц назад я мог подать на вас жалобу за кражу бланка медицинского рецепта. Благодарите мою коллегу: это она отговорила меня жаловаться, приведя кучу выгораживающих вас доводов. Хотите начистоту? Она назвала вас «тронутой».

– Я тоже навела о вас справки, Малори, – говорю я, доставая из кармана отсканированные документы.

Он разворачивает их один за другим и, хмурясь, читает.

– Это что еще такое?

– Доказательства того, что вы выписали фальшивые свидетельства о проживании двум беспаспортным малийцам, на основании которых они подали прошение о предоставлении временного убежища.

Этого он не отрицает.

– Что с того? С каких пор солидарность и человечность превратились в преступление?

– Закон трактует это как изготовление и использование фальшивок. Карается тремя годами тюремного заключения и штрафом в 45 тысяч евро.

– Я думал, что тюрьмы перегружены. С каких пор такими делами занимается криминальная бригада?

Впереди Монруж. Я съезжаю с бульвара Марешо на кольцо Периферик, доезжаю по ней до автострады А6, дальнейший маршрут пролегает по трассе «Аквитания», связывающей Париж с Бордо.

При виде развязки «Виссу» Поль начинает всерьез волноваться.

– Не пойму, куда вы меня везете…

– В Бордо. Уверена, вас придется по вкусу вино.

– Вы это серьезно?!

– Встретим Рождество у моей матушки. Вот увидите, вас ждет прекрасный прием.

Он оглядывается, проверяя, не преследуют ли нас, и пытается пошутить, чтобы скрыть растерянность:

– Я понял: в машине камера! Это такой полицейский трюк, да?

Приходится, не сбавляя хода, потратить несколько минут на объяснение моей задумки: я закрываю глаза на его поддельные свидетельства о проживании, а он в благодарность за это соглашается выдать себя за рождественским столом за моего жениха.

Выслушав меня, он несколько секунд молчит, не спуская с меня глаз. Сначала ему не верится, что все это правда, потом он восклицает:

– Боже мой! Хуже всего то, что вы не шутите! Вы отважились на эту махинацию по той простой причине, что отчаялись отстоять перед родней свой жизненный выбор. Вот те на! Вам нужен не гинеколог, а психоаналитик.

Я выдерживаю удар, на несколько минут набираю в рот воды, а потом примиряюсь с действительностью. Он, конечно, прав. Я попросту трусиха. Чего я, собственно, ждала? Что ему понравится предложенная игра? У меня чувство, что я села в лужу. Моя сила и одновременно слабость – в склонности прислушиваться к своему инстинкту, а не к голосу разума. Благодаря ему я сумела раскрыть несколько заковыристых дел и в результате в 34 года была принята в бригаду уголовных расследований. Но порой интуиция дает слабину, а то и вовсе пускает меня под откос. Теперь замысел представить этого субъекта родне как своего жениха кажется мне не просто неуместным, а совершенно нелепым.

Багровая от стыда, я капитулирую.

– Вы правы. Мне очень… Весьма сожалею. Сейчас развернусь и верну вас домой.
– Сначала сверните на первую же заправку. У вас почти пустой бак.

* * *

Я заливаю бензина под завязку. Пальцы липкие, от бензиновой вони с души воротит. Гляжу – а пассажирское кресло пустое. Кручу головой и вижу Поля Малори за стеклом кафе: он машет мне, зовет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.